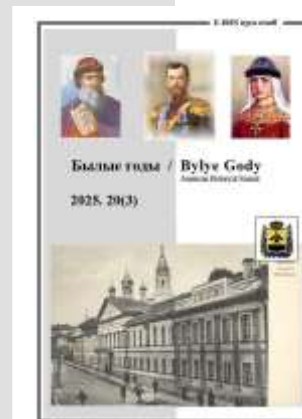

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(3): 1203-1212
 DOI: 10.13187/bg.2025.3.1203

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Caucasus War in Soviet and Russian Historiography. Part 1

Andrey V. Bedrik ^{a, *}, Nikita S. Tkalenko ^a

^a Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract

The view of the Caucasian War in Soviet historiography was not uniform. The events in the region were always viewed from the perspective of Marxist-Leninist ideology, emphasizing national liberation struggles and class conflicts, but the actual content of these ideologies could vary significantly. While in the 1920s and 1930s, negative assessments of imperial Russia and positive assessments of freedom-loving mountaineers were dominant, since the 1940s, there has been a gradual shift towards blaming the mountain aristocracy, interpreting Russia's role as objectively positive, and emphasizing the external instigation of the mountaineers to engage in armed conflict. In the 1980s, a concept emerged that emphasized the responsibility of the mountain side for the outbreak of the Caucasian War. The contradictory assessment was not spared by the political leaders in the events under consideration. Consequently, the preconditions for the subsequent “war of historiographies” surrounding the Caucasian War were established during the Soviet period. It was at this time that, on the one hand, a vast body of scientific research was created that denounced the colonial policy of the Russian Empire in the Caucasus and, to some extent, glorified the national liberation movement of the highlanders. On the other hand, there was a tendency to reevaluate this interpretation of the Caucasian War.

Keywords: soviet historiography, marxist-leninist philosophy, ideology, colonialism, North Caucasus, caucasian studies, Caucasian War, Russian Empire, highlanders, north caucasian peoples.

1. Введение

В 2014 г. вышла в свет статья Ш.А. Гапурова, А.М. Бугаева и В.В. Черноуса, в которой авторы обратили внимание на то, что у термина «Кавказская война» до сих пор нет чёткого определения, и самая его суть по-разному понимается различными исследователями, что породило множество эмоциональных дискуссий, споров, нападок и даже «войн историографий» (Гапуров и др., 2014: 90-91). Историки отмечают, что пока нет общепринятого содержания термина «Кавказская война», тяжело трактовать как хронологию, так и причины понимаемых под данным термином событий. Осветив и прокомментировав различные интерпретации данного термина, авторы попытались найти те ключевые точки, в которых сходятся мнения всех исследователей. С точки зрения Ш.А. Гапурова, А.М. Бугаева и В.В. Черноуса, более или менее бесспорным является то, что, начиная с середины XVI в., Россия стремилась установить свой контроль на Кавказе, поскольку регион являлся важным геополитическим местом. При этом, начиная с XVI в. до начала XIX в., политика России по отношению к горцам Кавказа предусматривала преимущественно мирные формы и методы, в результате чего к началу XIX в. большая часть кавказских народов вошла в подданство России, что также было закреплено международными договорами. Однако, начиная с 1818 г., главноуправляющий на Кавказе А.П. Ермолов начинает проводить политику по отношению к горцам, сопряжённую с жёсткими, силовыми методами, что и со стороны горцев вызывает восстание и борьбу. С каждым десятилетием данная реакция горского населения становится всё более радикальной, но,

* Corresponding author

E-mail addresses: avbedrik@sfedu.ru (A.V. Bedrik)

тем не менее, Ш.А. Гапуров, А.М. Бугаев и В.В. Черноус однозначно предлагают считать данную борьбу народно-освободительной. В то же время исследователи отмечают, что кроме военных силовых методов у А.П. Ермолова прослеживались и элементы более умеренной политики, мирных форм взаимодействия с горцами, ценность которых он ощутил под конец своей кавказской карьеры (Гапуров и др., 2014: 97).

Соглашаясь с основными положениями данной статьи, мы полагаем, что ситуация вокруг термина «Кавказская война» ещё сложнее. Обратившись к более широкому спектру научных работ, мы обнаружили, что даже те ключевые точки Кавказской войны, которые Ш.А. Гапуров, А.М. Бугаев и В.В. Черноус считают общепринятыми, разделяются не всеми учёными. Кроме того, исследователи могут считать принципиально важными факты/сюжеты, не нашедшие отражения в предлагаемой схеме развития событий. В то же время нам представляется важным, что далеко не все авторы используют термин «Кавказская война», а некоторые даже вполне сознательно выступают против его использования, считая терминологически некорректным.

В подобной ситуации нам представляется полезным рассмотреть в данной статье более широкий, чем в предыдущих исследованиях, круг точек зрения на Кавказскую войну (понимая под ней как события, обозначаемые термином «Кавказская война» в рамках нарратива конкретного автора, так и военные столкновения на Кавказе в первой половине XIX в., даже если автор не использует для их обозначения рассматриваемый нами термин).

2. Материалы и методы

С учётом огромного массива историографии о Кавказской войне, мы решили несколько ограничить круг разбираемых нами работ, руководствуясь следующими принципами:

1) Поскольку сам термин «Кавказская война» возник в русском языке и эволюционировал в рамках большинства российских научных школ (включая национальные научные школы республик Северного Кавказа, для которых универсальным языком остаётся русский) с минимальным иностранным влиянием, мы не рассматривали работы на прочих языках, которые следует исследовать отдельно.

2) Нас интересовали исключительно научные работы, поскольку число научно-популярных, энциклопедических, художественных и проч. работ о Кавказской войне огромно, а, кроме того, в соответствии с формулировкой крупного российского учёного И.Н. Данилевского, живой литературный язык «нетерминологичен по своей сути» (т. е. не предполагает строгого и однозначного значения употребляемых словосочетаний) (Данилевский, 2020: 110).

3) Мы не рассматривали работы, созданные до 1917 г., поскольку строго научных в их числе почти нет и, более того, для этого периода сложно провести однозначную границу между научным и военно-практическим исследованием (в этом контексте показательна, в частности, монография Т.А. Колосовской и Д.С. Ткаченко «Военные кавказоведы Российской империи: биобиблиографический словарь») (Колосовская, Ткаченко, 2021).

Русскоязычные научные работы о Кавказской войне советского и современного периодов мы пытались проанализировать максимально полно, хотя, безусловно, в рамках статьи отдельные работы выпали из нашего внимания.

При этом мы принципиально не ставили перед собой задачи выявить более и менее обоснованные взгляды на термин «Кавказская война» (включая вопрос о корректности употребления этого термина), более и менее верные интерпретации причин и хода рассматриваемых событий и т. д. Это объясняется двумя причинами. Во-первых, в рамках данной статьи мы хотели прежде всего показать то, насколько многообразны взгляды на историю Кавказа XIX в. даже исключительно в русскоязычной историографии. Во-вторых, мы совершенно осознанно хотели деперсонализировать свой анализ, избежав в нём большего внимания и более позитивного отношения к позициям тех авторов, идеи которых близки нам.

3. Обсуждение и результаты

А.А. Журтова, П.А. Кузьминов, А.А. Коновалов, Е.Г. Муратова отмечают, что если в дореволюционный период процесс становления и развития отечественного кавказоведения сопровождался рождением первых библиографических и источниковых обзоров в исследованиях, посвящённых российско-кавказскому историческому взаимодействию, то советский период характеризуется общим подъёмом исторической науки и появлением первых научных работ по данной проблематике (Zhurtova et al., 2017: 777).

И.М. Скибицкая подчёркивает, что в советский период шло осмысление Кавказской войны в рамках марксистско-ленинской идеологии. Изначально, в новых исторических условиях приветствовалось любое разоблачение царизма, а детальный военно-исторический анализ Кавказской войны не был востребован. Под влиянием классово-партийного подхода события стали рассматриваться через призму национально-освободительной борьбы против колониального гнёта царского самодержавия. К концу 1940-х гг. осуществляется попытка переоценки Кавказской войны: происходил отход от безусловного признания её антиколониальной и антифеодальной

направленности, намечался акцент на прогрессивные последствия вхождения горцев Северного Кавказа в российское государство. В 1950-е гг. советские историки старались более детально разобраться в данном довольно сложном процессе, несмотря на идеологическое давление. Более подробно были изучены вопросы значения идеологии мюридизма в период Кавказской войны, развитие общественных отношений у горских племён, предпосылки и преграды для создания своей государственности и т. д. (Скибицкая, 2011: 5-6).

Как заметил А.Д. Панеш, историческая наука советского периода была подвержена сильному влиянию политической конъюнктуры, и в ней наступали такие периоды, когда правда предавалась забвению, а тенденциозность одерживала верх. История становилась рупором в руках политических вождей, и это наносило науке непоправимый вред (Панеш, 2006: 13).

Интересная оценка эволюции историографии Кавказской войны принадлежит Д.Б. Абдурахманову. По его мнению, в период «оттепели» Н.С. Хрущёва Кавказская война трактовалась и рассматривалась в рамках идеологии марксизма-ленинизма как классовая борьба и национально-освободительное движение, но мюридизм при этом позиционировался реакционным процессом (Абдурахманов, 2015: 18). В период же «развитого социализма» Л.И. Брежнева Кавказская война была закрыта политической цензурой для исследования с точки зрения национально-освободительной войны против русского самодержавия. В данный период возобладала концепция глубоких исторических корней единого советского народа, где все межэтнические противоречия в истории народов СССР перестали рассматриваться, как и сама Кавказская война (Абдурахманов, 2015: 18-19). Хотя подобная оценка и имеет под собой определённые основания, в действительности она не вполне корректна по отношению к брежневскому периоду. Как мы увидим, в это время выходили отдельные работы, посвящённые Кавказской войне.

В.В. Лапин отмечает, что традиционно до 1960-х гг. в советской историографии события придавались широкой трактовке «Кавказские войны», которые включали в себя боевые действия XVIII–XIX вв. С 1973 г. Большая Советская Энциклопедия ограничила Кавказскую войну периодом 1817–1864 гг. и географически – Чечней, Дагестаном и Северо-Западным Кавказом. Это усилило позиции тех, кто заострял внимание на её национально-освободительном характере, так как приход русских войск с обустройством своих укреплений в Дагестане и Чечне затмевает набеговую составляющую конфликта, которая была самой главной в XVIII – начале XIX в. (Лапин, 2007: 85).

В целом остаётся констатировать, что имеющиеся работы по историографии Кавказской войны советского периода демонстрируют разнообразие оценок и расходятся в деталях, однако сходны в одном: идеологическая цензура в это время сильно ограничивала возможность для исследователей презентовать свои результаты, и при этом соотношение допустимых/неприемлемых тем и оценок динамично менялось.

В советский период Кавказская война рассматривалась в рамках марксистской исторической науки (Жилина, 2016: 526). Немалое влияние на русский марксизм в целом оказали идеи революционных демократов, таких как А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, хотя их размышления были не столько научными, сколько политико-идеологическими. А.И. Герцен, вынужденный жить в эмиграции и критикующий самодержавный строй в Российской империи, негативно относился к событиям на Кавказе в данный период. По его мнению, война на Кавказе со стороны России носит несправедливый и кровопролитный характер, а горцы отстаивают свою независимость и свободу. Кроме всего прочего, Герцен находил общее в русских крестьянах, выступающих против крепостного права, и горцах, препятствующих российской администрации на Кавказе, где, по его мнению, все они боролись за свободу (Гаджиев, Пикман, 1998: 37, 41). Н.Г. Чернышевский видел в боевых действиях на Кавказе процесс истощения России (Гаджиев, Пикман, 1998: 48). Н.А. Добролюбов отмечал, что горцы, воюя с Россией, отстаивали свою независимость и неприкосновенность быта (Гаджиев, Пикман, 1998: 79). В результате советская историческая наука, по крайней мере, формально, демонстрировала преемственность только с одной из традиций дореволюционного описания Кавказской войны – традицией революционно-демократической, однозначно рассматривавшей Российскую империю в качестве тиранической силы, покушавшейся на свободу горцев.

Действительно, в конце 20-х – начале 40-х гг. XX в. авторы ряда советских исторических журналов, таких как «Красный архив» (Бушуев, 1940: 189-195; Бушуев, 1941: 115-125), «Революция и горец» (Хубиев, 1928: 73; Кокиев, 1929: 30-35; Ошаев, 1929: 39-44; Буркин, 1931: 44-60), «Борьба классов» (Сивков, 1936: 24-25), «Историк-марксист» (Петрушевский, 1940: 141-144), трактовали события Кавказской войны через призму борьбы свободолюбивых горцев против жестокой колониальной политики царизма. В то же время в данных работах обогащалась фактографическая часть истории Кавказской войны: детально изучались биографии горских лидеров антиимперской политики на примере имама Шамиля, уделялось внимание борьбе между Россией, Англией и другими державами за установление своего господства в регионе, рассматривалась роль черкесского вопроса. В целом преобладала оценка Кавказской войны как «одной из самых продолжительных, мучительных, кровавых и опустошительных войн в истории колониальных захватов и грабежей» (Бушуев, 1940: 190).

Разберём, в качестве примера, интерпретацию Кавказской войны С.К. Бушуевым. Он отмечал, что Кавказская война оказывала большое значение на международные отношения, так как Англия, Франция и Турция, не желая усиления России в регионе, делали всё, чтобы Россия была втянута в войну с горцами на как можно более длительное время (Бушуев, 1939: 104). Автор обращал внимание на следующие события, которые, по его мнению, были основными эпизодами Кавказской войны: «зверскую, волчью завоевательную» политику главнокомандующего А.П. Ермолова в регионе (Бушуев, 1939: 18); «Блистательную эпоху Шамиля» – период успешной борьбы имама против российских войск (Бушуев, 1939: 88); а также штурм аулов Ахульго и Гуниб (Бушуев, 1939: 87, 162).

Штурм Ахульго, как «беспримерную в истории Кавказской войны кровопролитную бойню» и как один из важных эпизодов этой войны, выделял и Р.М. Магомедов (Магомедов, 1939: 80). В его интерпретации Кавказская война представляла антиколониальным движением горцев против России, а захват Северного Кавказа и стран Закавказья выступал интересом и главной задачей самодержавия, связанной с укреплением и ростом русского национального государства. Он также отмечал, что продвижение России на Кавказ было подготовлено колониальной политикой царизма за несколько сотен лет, начиная ещё с конца XV в., когда московские цари вели усиленные дипломатические переговоры с Прикаспийскими и Закавказскими странами (Магомедов, 1939: 12-13).

Г.А. Кокиев на примере осетин отмечал, что XIX в. является самой трагичной, покрытой кровью крепостных крестьян, страницей. Данный период ознаменован множеством восстаний осетинских крепостных крестьян, которые подавлялись самыми жестокими мерами генералов царской армии России (Кокиев, 1926: 108).

Однако уже в 1920-е гг. появляются принципиально новые концепции, не восходящие к идеям революционных демократов. В этом контексте показательна позиция М.В. Покровского, который обращал внимание на то, что Кавказская война исходит из российско-персидского и российско-турецкого противостояния на Кавказе. «Война с горцами – Кавказская война в тесном смысле – непосредственно вытекла из этих персидских походов: её значение было чисто стратегическое, всего менее колониационное... Персидские – и лишь отчасти турецкие – войны определили, таким образом, не только объективно Кавказскую войну, но и субъективно: они объясняют нам её психологию» (Дипломатия и войны, 1923: 179-180). С фактографической точки зрения Покровский отмечал, что в процессе активизации политики России по покорению Кавказа у горцев в ответ распространялось течение мюридизма, предлагавшего в качестве метода сопротивления партизанские действия, что обуславливало характер Кавказской войны (Дипломатия и войны, 1923: 213). Исследователь часто обращал внимание на сопротивление российской армии и войска имама Шамиля, причём в его интерпретации императорская армия всегда доминировала в численности, но уступала в тактике и качестве ведения боя. Потому для борьбы с непокорными горцами российское начальство в регионе нередко прибегало к всё более жёстким формам (выжигание и истребление аулов горцев, имеющих связь с имамом Шамилем). Но в конечном итоге падение авторитета Шамиля и своевременное перевооружение солдат Отдельного Кавказского корпуса принесли победу российскому правительству в покорении Кавказа и поставили точку в многолетней войне (Дипломатия и войны, 1923: 217-229).

В дальнейшем, с 1940-х гг., интерпретации различными авторами Кавказской войны становятся ещё разнообразнее, и схема противостояния тиранической России и свободолюбивых горцев, восходящая к революционным демократам, перестаёт быть сперва единственно возможной, а затем и доминирующей. Рассмотрение причин этого уведёт нас слишком далеко от темы данной статьи, поэтому ограничимся указанием на то, что схожие процессы переоценки роли России в положительную сторону, вплоть до её откровенной идеализации, были характерны и для других областей исторического знания в период «борьбы с космополитизмом».

Так, М.Д. Багиров предлагал пересмотреть взгляд на процесс мюридизма на территории Северного Кавказа в XIX в. Он отмечал, что мюридизм при Шамиле являлся религиозным течением ислама с наиболее реакционными и воинствующими особенностями. М.Д. Багиров также обращал внимание на то, что Турция и Персия использовали ислам у горцев в борьбе против России, чем также пользовалась и Англия (Багиров, 1950: 4, 6). В данном случае реакционной силой оказывались уже горцы, в сравнении с которыми Российская империя, оставаясь колониальным государством, приобретала определённые прогрессивные черты.

Тема внешнего влияния на горцев присутствует и у Н.А. Смирнова, понимавшего под Кавказской войной движение горцев на Кавказе в XIX в. (Смирнов, 1958: 189). Столкновения в XIX в. между Россией, Турцией и Ираном автор интерпретировал как следствие не только захватнических appetитов названных сторон, но и колониальных интересов Франции и Англии (Смирнов, 1958: 173), которые нередко вмешивались в кавказские дела, провоцировали горцев на борьбу с Россией и тем самым ещё более обостряли и без того напряжённую обстановку, сложившуюся в регионе (Смирнов, 1958: 197).

Схожим образом и А.Р. Иоанисян, пристально изучая соперничество между Россией, Турцией, Ираном, Британией и Францией за влияние в Закавказье в начале XIX в., отмечал, что в этот период в регионе действовало большое количество антироссийских агентов и агитаторов (Иоанисян, 1958: 438,

439). Таким образом, важной причиной Кавказской войны стало позиционироваться внешнее влияние других колониальных и деспотических государств, кроме России.

Наконец, в сборнике «Народы Кавказа» Кавказская война трактуется как война кровопролитная, принёсшая огромные бедствия народам России и Кавказа. Тем не менее, авторы отмечали, что, несмотря на жёсткую колониальную политику России в регионе, включение Северного Кавказа в её состав имело и значительное прогрессивное значение для кавказских народов. Во-первых, была устранена угроза порабощения региона отсталыми восточными деспотиями, как авторы позиционировали Турцию и Иран. Во-вторых, происходила ликвидация экономической и политической раздробленности, шло прекращение феодальных и племенных междоусобиц, разорявших регион и приводивших к бедствиям местного населения, шло приобщение народов Кавказа к более высокой и прогрессивной системе социально-экономических отношений, которые развивались в России, что способствовало ликвидации прежней замкнутой системы у горцев, ускоряло их культурное и экономическое развитие (Народы Кавказа, 1960: 96). Черкесский вопрос тоже рассматривался как неоднозначный: в интерпретации данного сборника турецкими агентами были осуществлены провокации, повлёкшие массовое переселение горцев Северного Кавказа в пределы Османской империи, которая была заинтересована использовать данных мухаджиров в предстоящих войнах с Россией и подавлениях национально-освободительных движений на Балканах. В то же время и Российская империя содействовала переселению «немирных горцев» с территорий Северного Кавказа, желая установления спокойствия в регионе и использования земель в своих интересах (Народы Кавказа, 1960: 98-99). Таким образом, здесь мы видим, как политика Российской империи, всё ещё трактуемая как колониальная, приобретает в интерпретации авторов в целом позитивные черты с учётом общей отсталости региона.

При этом сохраняет актуальность и прежняя советская интерпретация Кавказской войны как противостояния свободолюбивых горцев и тиранической России, однако и в её рамках некоторые авторы добавляют более неоднозначные концепты.

Например, А.В. Фадеев под термином «Кавказская война» понимал кровопролитные и беспощадные боевые действия, в которых присутствовали грубый произвол царских чиновников и насилие местных горских крепостнических элит, период длительной борьбы народа против колониально-феодального режима (Фадеев, 1960: 358, 371). Кроме того, исследователь обращал внимание на то, что события в регионе осложнила борьба за влияние между Францией, Англией, Турцией и Россией. При этом причиной Кавказской войны он однозначно считал завоевательную политику царизма, которая, по его мнению, ущемляла интересы горцев (Фадеев, 1932: 38-39; Фадеев, 1960: 309). Антироссийские движения горцев в период Кавказской войны А.В. Фадеев рассматривал с точки зрения революционной концепции, называя их «антиколониальным движением крестьянских масс» (Фадеев, 1960: 318, 374). Таким образом, позитивными чертами в рамках данной концепции наделялись только «крестьянские массы» горцев, а горские феодалы рассматривались как не менее негативная, чем Российская империя, сила.

События на Кавказе с точки зрения революционной концепции рассматривал и советский историк Х.М. Ибрагимбейли. Он писал: «Выступления, бунты и восстания крестьян Кавказа и Закавказья в 50-е гг. XIX в. представляли собой типичную форму борьбы угнетённых крестьянских масс против непосильного феодального гнёта и царизма с его жестокой колониальной политикой» (Ибрагимбейли, 1971: 338). Боевые действия в регионе он условно разделял на присоединение к России территорий Закавказья и прикаспийских земель в 1801–1829 гг. и присоединение территории Северного и Западного Кавказа, включение которых происходило с наибольшим кровопролитием, завершившимся только в 1864 г. (Ибрагимбейли, 1971: 118).

Классовую борьбу в сопротивлении горцев России на примере кабардинцев отмечал и Т.Х. Кумыков: «Кабардинский народ неоднократно поднимался на борьбу против колониального и феодально-крепостнического гнёта» (Кумыков, 1957: 53). В итоге движение горцев он соотносил с общероссийским движением крестьянских масс.

Как мы наблюдаем, с 1950-х гг. в историографии получает распространение концепция разделения горцев на по-прежнему позитивно оцениваемые свободные массы и негативно оцениваемых реакционных феодалов, что тоже разрушает характерную для ранней советской историографии однозначную оценку Кавказской войны.

Идею колониального покорения Кавказа и ущемления горских народов российским царизмом поддерживал и В.Г. Гаджиев (Гаджиев, 1965: 213). Историк обращал внимание, что в период Кавказской войны отношения между горцами и терско-гребенским казачеством сильно ухудшаются, причём не в первой половине XIX в., как принято было считать, а ещё с конца XVIII в. Вину за это он возлагает на российскую администрацию, которая вовлекала казачество в военную систему империи, в том числе и на Кавказе (Гаджиев, 1965: 246). Но при этом автор делал акцент на том, что кровопролитные действия в регионе были развязаны не русским народом, а российским самодержавием, ссылаясь на то, что немалая часть русской интеллигенции сочувствовала и сопереживала автохтонному населению в период боевых действий (Гаджиев, 1965: 248). Таким образом, в позднесоветский период даже у авторов, интерпретировавших Кавказскую войну в

качестве колониальной со стороны Российской империи, происходит своеобразное «размывание» ответственности русских за неё: не только горцы, но и русские оказываются разделены на прогрессивных и реакционных.

Наконец, в контексте споров об уместности употребления самого термина «Кавказская война», нельзя не отметить, что некоторые советские авторы де-факто обходились без него.

В частности, выдающийся российский и советский историк, Е.В. Тарле в своих трудах при описании событий на Кавказе в XIX в. не употреблял термина «Кавказская война», альтернативой которому служило понятие «кампания на Кавказе» (Тарле, 1959b: 280-287; Тарле, 1959a: 475-498). При этом общая логика интерпретаций Е.В. Тарле «кампаний на Кавказе» была крайне благоприятной для Российской империи. Действуя в рамках описанной выше логики объяснения Кавказской войны негативным внешним влиянием, исследователь обращал пристальное внимание на то, что одной из причин кровопролитных событий в регионе являлась антироссийская деятельность Англии, Франции и Турции, которые стремились подорвать влияние России на Кавказе. Горский лидер антироссийского сопротивления, имам Шамиль, в интерпретации Е.В. Тарле был лишь инструментом в борьбе за влияние в регионе между державами. «Если бы некоторые историки, восторгавшиеся хищническими набегами Шамиля на мирные аулы, видевшие в нём некоего доблестного руководителя “народной войны”, не обнаруживали близорукости или иной раз просто незнания фактов, то они поняли бы, как часто все эти мнимо доблестные “руководители освободительной борьбы” против России – будь то на Кавказе, в Туркестане, Хиве, Бухаре – были лишь марионетками в многоопытных руках Пальмерстона, а позже Лоуренса или Энвер-паши... Лондон и Константинополь стоят за спиной тех, с кем русскому солдату приходится вести борьбу на Среднем Востоке, как ему приходилось вести несколько раньше борьбу в горах Дагестана против Шамиля и мюридизма» (Тарле, 1962: 327).

М.В. Покровский, рассматривая события на Северо-Западном Кавказе, называл их «Кавказской эпопеей», «Кавказской проблемой» и «Кавказским вопросом», а также отмечал, что на рубеже первой и второй половины XIX в. европейской дипломатии и царской власти России не удалось оборвать исторически прогрессивный ход процесса сближения адыгских народов с Россией (Покровский, 1989: 311).

Советский историк-кавказовед Н.И. Покровский в своей книге «Кавказские войны и имамат Шамиля», которая была создана ещё в 1940 г., но опубликована только после распада СССР, как видно из названия, писал о «Кавказских войнах», трактуя в этом качестве события, связанные с покорением Северного Кавказа российским правительством с XVI в. по середину XIX в. Особо детально изучил он устройство и функциональность системы имамата Шамиля, с помощью которой лидеру антироссийского сопротивления удалось на некоторое время изменить ход войны с манёвренного на позиционный (Покровский, 2000: 322).

Кавказская война изучалась также грузинскими авторами, публиковавшимися на русском языке, однако их работы не слишком выделялись из основной массы советской историографии. Грузинский и советский историк Д.Л. Ватейшвили связывал интересующий нас период с колониальной экспансией русского самодержавия на Кавказе, которая сопровождалась промышленным освоением природных ресурсов края, внешнеполитическими акциями царизма на Ближнем Востоке, проблесками демократизации просвещения в крае, нарастанием освободительной борьбы в Грузии под влиянием идей декабризма (Ватейшвили, 1973: 6).

Только в 1983 г. появляется принципиально новый подход к рассмотрению причин и природы Кавказской войны, который предложил осетинский историк М.М. Блиев. Он предположил, что Кавказская война родилась из экспансии набеговой системы «вольных обществ» горцев Северного Кавказа, восходящей ещё к концу XVII в. С XVII по первую половину XIX в. у горских народов происходил переход от дофеодальных к феодальным отношениям, который протекал в особых географических, политических и этносоциальных условиях и приводил к набеговой системе – экспансии в соседние территории, особенно в Грузию. Постоянная напряжённая обстановка в регионе, сопровождающаяся набеговой экспансией горцев, во второй половине XVIII в. естественным образом привела к столкновению с Российской империей (Блиев, 1983: 54-75). Таким образом, интерпретация Кавказской войны, предложенная М.М. Блиевым, предполагала инверсию традиционных ролей, которые отводила в рамках этой войны России и горцам советская историография. М.М. Блиев не просто «размывал» традиционные роли, утверждая, что в числе русских на Кавказе были прогрессивные элементы, а в числе горцев – реакционные, не просто подчёркивал внешнее вмешательство в Кавказскую войну, но недвусмысленно связал её с внешней экспансией не Российской империи, а горских племён.

Важной финальной точкой в развитии советского кавказоведения стало издание первых двух томов классического труда «История народов Северного Кавказа» (1988 г.). В то же время в рамках интересующей нас проблематики данное издание скорее продолжало существующую традицию описаний Кавказской войны, чем вносило что-то принципиально новое. Например, отмечалось, что антироссийская деятельность османских агентов проявлялась и в последней четверти XVIII в. (История народов..., 1988b: 331). События в XIX в. на Северном Кавказе трактовались как

«многолетняя борьба горцев», «антифеодалная и антиколониальная борьба народов Северного Кавказа» (*История народов...*, 1988а: 131-274).

4. Заключение

Таким образом, в советской историографии взгляд на Кавказскую войну не был единообразным. Хотя формально события в регионе всегда рассматривались с точки зрения марксистско-ленинской идеологии, для их описания использовался терминологический аппарат советской науки с акцентом на национально-освободительную борьбу и классовые противостояния, фактическое наполнение этих идеологием могло существенно различаться. Так, ключевая фигура большинства интерпретаций Кавказской войны, имам Шамиль, оценивался в диапазоне от национального героя и лидера антиколониального сопротивления до марионетки британского капитала.

В то же время нельзя не отметить, что общая эволюция интерпретаций Кавказской войны в советский период развивалась в направлении ослабления критики России и усиления критики горцев. Если в 1920–1930-е гг. абсолютно доминировали негативные оценки тиранической России и позитивные оценки свободолюбивых горцев, то с 1940-х гг. постепенно нарастают тенденции к обвинению горских феодалов, интерпретации роли России как объективно положительной, акцентированию внимания на внешнем подстрекательстве горцев к вооружённой борьбе. Поэтому появление в 1980-е гг. концепции М.М. Блиева, возлагавшей ответственность за начало Кавказской войны на горскую сторону, развивало тенденции всего советского периода. Однако при этом обличения «царизма с его жестокой колониальной политикой», вопреки мнению Д.Б. Абдурахманова, имели место и в период правления Л.И. Брежнева.

Следовательно, предпосылки для последующей «войны историографий» вокруг Кавказской войны сложились именно в советский период. Именно в это время, с одной стороны, был создан обширный массив научных исследований, обличавших колониальную политику Российской империи на Кавказе и в той или иной степени героизирующих национально-освободительное движение горцев, а с другой стороны - возобладала тенденция на переоценку подобной интерпретации Кавказской войны. С ослаблением цензурного прессы и развитием научного плюрализма конфликт сторонников противоположных взглядов на историю Кавказа XIX в. был неизбежен, а кровавые события 1990-х гг. только обострили его.

5. Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Программы стратегического академического лидерства Южного федерального университета («Приоритет 2030»).

Литература

- Абдурахманов, 2015 – Абдурахманов Д.Б. Битва за Чечню. «Война историографий», или информационная война. Грозный, 2015. 429 с.
- Багиров, 1950 – Багиров М.Д. К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля. М., 1950. 32 с.
- Блиев, 1983 – Блиев М.М. Кавказская война: социальные истоки, сущность // *История СССР*. 1983. № 2. С. 54-75.
- Буркин, 1931 – Буркин Н.Г. Великодержавность и национализм в горской историографии // *Революция и горец*. 1931. № 5 (31). С. 44-60.
- Бушуев, 1939 – Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М.; Л., 1939. 184 с.
- Бушуев, 1940 – Бушуев С.К. Англо-русский инцидент со шхуной «Виксен» // *Красный Архив*. 1940. № 5 (102). С. 189-233.
- Бушуев, 1941 – Бушуев С.К. К биографии Шамиля // *Красный Архив*. 1941. № 2 (105). С. 115-139.
- Ватейшвили, 1973 – Ватейшвили Д.Л. Русская общественная мысль и печать на Кавказе в первой трети XIX века. М., 1973. 457 с.
- Гаджиев, 1965 – Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. 391 с.
- Гаджиев, Пикман, 1998 – Гаджиев В.Г., Пикман А.М. Российские демократы о борьбе горцев Дагестана и Чечни в 20-50 гг. XIX века. Махачкала, 1998. 120 с.
- Гапуров и др., 2014 – Гапуров Ш.А., Бугаев А.М., Черноус В.В. К 150-летию окончания Кавказской войны: о хронологии, причинах и содержании // *Научная мысль Кавказа*. 2014. № 4 (80). С. 90-100.
- Данилевский, 2020 – Данилевский И.Н. «Слова, слова, слова» // *Новое прошлое / The New Past*. 2020. № 3. С. 102-122.
- Дипломатия и войны, 1923 – Дипломатия и войны царской России в XIX столетии: сборник статей / М.Н. Покровский. М., 1923. 392 с.
- Жилина, 2016 – Жилина А.И. Отечественная историография Кавказской войны: этапы развития / *Юг России и сопредельные страны в войнах и вооруженных конфликтах: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием*. Ростов н/Д, 2016. С. 525-531.

- Ибрагимбейли, 1971 – Ибрагимбейли Х.М. Кавказ в Крымской войне 1853-1856 гг. и международные отношения. М., 1971. 404 с.
- Иоанисян, 1958 – Иоанисян А.Р. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. Ереван, 1958. 447 с.
- История народов..., 1988a – История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / Отв. ред. А.Л. Нарочницкий. М., 1988. 659 с.
- История народов..., 1988b – История народов Северного Кавказа с древнейших времён до конца XVIII в. / Отв. ред. Б.Б. Пиотровский. М., 1988. 543 с.
- Кокиев, 1926 – Кокиев Г.А. Очерки по истории Осетии. Ч. 1. Владикавказ, 1926. 160 с.
- Кокиев, 1929 – Кокиев Г.А. Военно-колониционная политика царизма на Кавказе // *Революция и горец*. 1929. № 4 (6). С. 30-35.
- Колосовская, Ткаченко, 2021 – Колосовская Т.А., Ткаченко Д.С. Военные кавказоведы Российской империи: библиографический словарь. Ставрополь, 2021. 334 с.
- Кумыков, 1957 – Кумыков Т.Х. Присоединение Кабарды к России и его прогрессивные последствия. Нальчик, 1957. 134 с.
- Лапин, 2007 – Лапин В.В. Хронологические рамки Кавказской войны в контексте ее историографии // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2007. № 3. Серия 2. С. 78-88.
- Магомедов, 1939 – Магомедов Р.М. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. Махачкала, 1939. 132 с.
- Народы Кавказа, 1960 – Народы Кавказа. Т. 1. М., 1960. 612 с.
- Ошаев, 1929 – Ошаев Х.Д. Мюридизм в Чечне // *Революция и горец*. 1929. № 3 (5). С. 39-44.
- Панеш, 2006 – Панеш А.Д. Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829–1864 гг.). Майкоп, 2006. 128 с.
- Петрушевский, 1940 – Петрушевский И.П. Рецензия на книгу Бушуева С.К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля // *Историк-марксист*. 1940. № 7. С. 141-144.
- Покровский, 1989 – Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века: Социально-экономические очерки. Краснодар, 1989. 319 с.
- Покровский, 2000 – Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000. 511 с.
- Сивков, 1936 – Сивков К.В. Эпизоды из истории колониального ограбления Кавказа (XIX в.) // *Борьба классов*. 1936. № 8. С. 24-35.
- Скибицкая, 2011 – Скибицкая И.М. Завершение Кавказской войны (1860–1864 гг.): военно-политические и социальные аспекты: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Краснодар, 2011. 25 с.
- Смирнов, 1958 – Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках. М., 1958. 244 с.
- Тарле, 1959a – Тарле Е.В. Военные действия на Северном Кавказе и в Закавказье в 1854–1855 гг. Взятие Карса. Т. 9. М., 1959. С. 475-498.
- Тарле, 1959b – Тарле Е.В. Кампания 1853 г. на Кавказе. Т. 8. М., 1959. С. 280-287.
- Тарле, 1962 – Тарле Е.В. Милютин Д.А. Дневник. Т. 3: 1878–1880. Т. 12. М., 1962. С. 323-331.
- Фадеев, 1932 – Фадеев А.В. Русский царизм и крестьянская реформа в Абхазии. Сухум, 1932. 43 с.
- Фадеев, 1960 – Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX века. М., 1960. 398 с.
- Хубиев, 1928 – Хубиев И.А. (Карачайлы И.). Горцы и казаки в XVIII веке // *Революция и горец*. 1928. № 2. С. 73-80.
- Zhurtova et al., 2017 – Zhurtova A.A., Kuzminov P.A., Konovalov A.A., Muratova E.G. The Problem of Russian-Caucasian Historical Interaction in the National Liberal Historiography of the late XVIII–XIX centuries // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 45. Is. 3. Pp. 776-784.

References

- Abdurakhmanov, 2015 – Abdurakhmanov, D.B. (2015). Bitva za Chechnyu. «Voina istoriografii», ili informatsionnaya voina [The Battle for Chechnya. The “war of historiographies”, or the information war]. Grozny. 429 p. [in Russian]
- Bagirov, 1950 – Bagirov, M.D. (1950). K voprosu o kharaktere dvizheniya myuridizma i Shamilya [On the question of the nature of the Muridism and Shamil movement]. M. 1950. 32 p. [in Russian]
- Bliev, 1983 – Bliev, M.M. (1983). Kavkazskaya voina: sotsial'nye istoki, sushchnost' [The Caucasian War: social origins, essence]. *Istoriya SSSR*. 2: 54-75. [in Russian]
- Burkin, 1931 – Burkin, N.G. (1931). Velikoderzhavnost' i natsionalizm v gorskoj istoriografii [Great Power and Nationalism in Mountain Historiography]. *Revolutsiya i gorets*. 5(31): 44-60. [in Russian]
- Bushuev, 1939 – Bushuev, S.K. (1939). Bor'ba gortsev za nezavisimost' pod rukovodstvom Shamilya [The Highlanders' struggle for independence under the leadership of Shamil]. M.; Leningrad. 184 p. [in Russian]
- Bushuev, 1940 – Bushuev, S.K. (1940). Anglo-russkii intsident so shkhunoi «Viksen» [The Anglo-Russian incident with the schooner Vixen]. *Krasnyi Arkhiv*. 5(102): 189-233. [in Russian]
- Bushuev, 1941 – Bushuev, S.K. (1941). K biografii Shamilya [To the biography of Shamil]. *Krasnyi Arkhiv*. 2(105): 115-139. [in Russian]

- [Danilevskii, 2020](#) – *Danilevskii, I.N.* (2020). "Slova, slova, slova" ["Words, words, words"]. *Novoe proshloe/The New Past*. 3: 102-122. [in Russian]
- [Diplomatiya i voyny..., 1923](#) – *Diplomatiya i voyny tsarskoi Rossii v XIX stoletii: sbornik statei.* M.N. Pokrovskii [Diplomacy and wars of Tsarist Russia in the 19th century: a collection of articles. M.N. Pokrovsky]. M. 1923. 392 p. [in Russian]
- [Fadeev, 1932](#) – *Fadeev, A.V.* (1932). *Russkii tsarizm i krest'yanskaya reforma v Abkhazii* [Russian Tsarism and peasant reform in Abkhazia]. Sukhum. 43 p. [in Russian]
- [Fadeev, 1960](#) – *Fadeev, A.V.* (1960). *Rossiya i Kavkaz v pervoi treti XIX veka* [Russia and the Caucasus in the first third of the 19th century]. M. 398 p. [in Russian]
- [Gadzhiev, 1965](#) – *Gadzhiev, V.G.* (1965). *Rol' Rossii v istorii Dagestana* [The role of Russia in the history of Dagestan]. M. 391 p. [in Russian]
- [Gadzhiev, Pikman, 1998](#) – *Gadzhiev, V.G., Pikman, A.M.* (1998). *Rossiiskie demokrati o bor'be gortsev Dagestana i Chechni v 20-50 gg. XIX veka* [Russian Democrats on the struggle of the mountaineers of Dagestan and Chechnya in the 20-50 years of the XIX century]. Makhachkala. 120 p. [in Russian]
- [Gapurov i dr., 2014](#) – *Gapurov, Sh.A., Bugaev, A.M., Chernous, V.V.* (2014). *K 150-letiyu okonchaniya Kavkazskoi voyny: o khronologii, prichinakh i soderzhanii* [On the 150th anniversary of the end of the Caucasian War: chronology, causes and content]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 4 (80): 90-100. [in Russian]
- [Ibragimbeili, 1971](#) – *Ibragimbeili, Kh.M.* (1971). *Kavkaz v Krymskoi voine 1853–1856 gg. i mezhdunarodnye otnosheniya* [The Caucasus in the Crimean War of 1853–1856 and international relations]. M. 404 p. [in Russian]
- [Ioanisyanyan, 1958](#) – *Ioanisyanyan, A.R.* (1958). *Prisoedinenie Zakavkaz'ya k Rossii i mezhdunarodnye otnosheniya v nachale XIX stoletiya* [The annexation of Transcaucasia to Russia and international relations at the beginning of the 19th century]. Yerevan. 447 p. [in Russian]
- [Istoriya narodov Severnogo..., 1988](#) – *Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevneishikh vremen do kontsa XVIII v. Otv. red. B.B. Piotrovskii* [The history of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the XVIII century. Ed. by B.B. Piotrovsky]. M. 543 p. [in Russian]
- [Istoriya narodov..., 1988](#) – *Istoriya narodov Severnogo Kavkaza (konets XVIII v. – 1917 g.). Otv. red. A.L. Narochitskii* [The history of the peoples of the North Caucasus (the end of the XVIII century – 1917). Ed. by A.L. Narochitsky]. M. 659 p. [in Russian]
- [Khubiev, 1928](#) – *Khubiev, I.A.* (Karachailly I.). *Gortsy i kazaki v XVIII veke* [Highlanders and Cossacks in the 18th century]. *Revol'yutsiya i gorets*. 2: 73-80. [in Russian]
- [Kokiev, 1926](#) – *Kokiev, G.A.* (1926). *Ocherki po istorii Osetii. Chast' 1* [Essays on the history of Ossetia. Part 1]. Vladikavkaz. 160 p. [in Russian]
- [Kokiev, 1929](#) – *Kokiev, G.A.* (1929). *Voenno-kolonizatsionnaya politika tsarizma na Kavkaze* [The military colonization policy of Tsarism in the Caucasus]. *Revol'yutsiya i gorets*. 4(6): 30-35. [in Russian]
- [Kolosovskaya, Tkachenko, 2021](#) – *Kolosovskaya, T.A., Tkachenko, D.S.* (2021). *Voennye kavkazovedy Rossiiskoi imperii: biobibliograficheskii slovar'* [Military kavkazologists of the Russian Empire: a bio-bibliographic dictionary]. Stavropol. 334 p. [in Russian]
- [Kumykov, 1957](#) – *Kumykov, T.Kh.* (1957). *Prisoedinenie Kabardy k Rossii i ego progressivnye posledstviya* [The annexation of Kabarda to Russia and its progressive consequences]. Nalchik. 134 p. [in Russian]
- [Lapin, 2007](#) – *Lapin, V.V.* (2007). *Khronologicheskie ramki Kavkazskoi voyny v kontekste ee istoriografii* [Chronological framework of the Caucasian War in the context of its historiography]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 3(2): 78-88. [in Russian]
- [Magomedov, 1939](#) – *Magomedov, R.M.* (1939). *Bor'ba gortsev za nezavisimost' pod rukovodstvom Shamilya* [The Highlanders' struggle for independence under the leadership of Shamil]. Makhachkala. 132 p. [in Russian]
- [Narody Kavkaza, 1960](#) – *Narody Kavkaza. T. 1* [The Peoples of the Caucasus. Vol. 1] M. 1960. 612 p. [in Russian]
- [Oshaev, 1929](#) – *Oshaev, Kh.D.* (1929). *Myuridizm v Chechne* [Muridism in Chechnya]. *Revol'yutsiya i gorets*. 3(5): 39-44. [in Russian]
- [Panesh, 2006](#) – *Panesh, A.D.* (2006). *Myuridizm i bor'ba adygov Severo-Zapadnogo Kavkaza za nezavisimost' (1829–1864 gg.)* [Muridism and the struggle of the Adygs of the Northwest Caucasus for independence (1829–1864)]. Maykop. 128 p. [in Russian]
- [Petrushevskii, 1940](#) – *Petrushevskii, I.P.* (1940). *Retsenziya na knigu Bushueva S.K. Bor'ba gortsev za nezavisimost' pod rukovodstvom Shamilya* [A review of the book by Bushuev S.K. The Mountaineers' struggle for independence under the leadership of Shamil]. *Istoriik-marksist*. 7: 141-144. [in Russian]
- [Pokrovskii, 1989](#) – *Pokrovskii, M.V.* (1989). *Iz istorii adygov v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka: Sotsial'no-ekonomicheskie ocherki* [From the history of the Adygs at the end of the XVIII – first half of the XIX century: Socio-economic essays]. Krasnodar. 319 p. [in Russian]
- [Pokrovskii, 2000](#) – *Pokrovskii, N.I.* (2000). *Kavkazskie voyny i imamat Shamilya* [The Caucasian Wars and Shamil's Imamate]. M. 511 p. [in Russian]

- [Sivkov, 1936](#) – *Sivkov, K.V.* (1936). Epizody iz istorii kolonial'nogo ogrableniya Kavkaza (XIX v.) [Episodes from the history of the colonial plunder of the Caucasus (19th century)]. *Bor'ba klassov*. 8: 24-35. [in Russian]
- [Skibitskaya, 2011](#) – *Skibitskaya, I.M.* (2011). Zavershenie Kavkazskoi voyny (1860-1864 gg.): voenno-politicheskie i sotsial'nye aspekty [The end of the Caucasian War (1860-1864): military, political and social aspects]: avtoref. diss. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Krasnodar. 25 p. [in Russian]
- [Smirnov, 1958](#) – *Smirnov, N.A.* (1958). Politika Rossii na Kavkaze v XVI–XIX vekakh [Russian policy in the Caucasus in the XVI–XIX centuries]. M. 244 p. [in Russian]
- [Tarle, 1959a](#) – *Tarle, E.V.* (1959). Voennye deistviya na Severnom Kavkaze i v Zakavkaz'e v 1854–1855 gg. Vzyatie Karsa. T. 9 [Military operations in the North Caucasus and Transcaucasia in 1854–1855. The capture of Kars. Vol. 9]. Moscow. Pp. 475-498. [in Russian]
- [Tarle, 1959b](#) – *Tarle, E.V.* (1959). Kampaniya 1853 g. na Kavkaze. T. 8 [The 1853 Campaign in the Caucasus. Vol. 8]. M. Pp. 280-287. [in Russian]
- [Tarle, 1962](#) – *Tarle, E.V.* (1962). Milyutin D.A. Dnevnik. T. 3: 1878-1880. T. 12 [Milyutin D.A. Diary. Vol. 3: 1878-1880. Vol. 12]. M. Pp. 323-331. [in Russian]
- [Vateishvili, 1973](#) – *Vateishvili, D.L.* (1973). Russkaya obshchestvennaya mysl' i pechat' na Kavkaze v pervoi treti XIX veka [Russian public thought and the press in the Caucasus in the first third of the 19th century]. M. 457 p. [in Russian]
- [Zhilina, 2016](#) – *Zhilina, A.I.* (2016). Otechestvennaya istoriografiya Kavkazskoi voyny: etapy razvitiya [Russian historiography of the Caucasian War: stages of development]. *Yug Rossii i sopredel'nye strany v voynakh i vooruzhennykh konfliktakh: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*. Rostov n/D. Pp. 525-531. [in Russian]
- [Zhurtova et al., 2017](#) – *Zhurtova, A.A., Kuzminov, P.A., Kononov, A.A., Muratova, E.G.* (2017). The Problem of Russian-Caucasian Historical Interaction in the National Liberal Historiography of the late XVIII–XIX centuries. *Bylye Gody*. 45(3): 776-784.

Кавказская война в советской и российской историографии. Часть 1

Андрей Владимирович Бедрик ^{a, *}, Никита Сергеевич Ткаленко ^a

^a Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. Взгляд исследователей в советской историографии на Кавказскую войну не был тождественным. События в регионе всегда рассматривались с точки зрения марксистско-ленинской идеологии, с акцентом на национально-освободительную борьбу и классовые противостояния, однако фактическое наполнение данных идеологом могло существенно различаться. Если в 1920–1930-е гг. доминировали негативные оценки имперской России и позитивные оценки свободолюбивых горцев, то с 1940-х гг. постепенно нарастают тенденции к обвинению горской аристократии, интерпретации роли России как объективно положительной, акцентированию внимания на внешнем подстрекательстве горцев к вооружённой борьбе. В 1980-е гг. появляется концепция, где имеет место быть ответственность горской стороны за начало Кавказской войны. Противоречивая оценка не обошла стороной и политических лидеров в рассматриваемых событиях. Следовательно, предпосылки для последующей «войны историографий» вокруг Кавказской войны сложились именно в советский период. Именно в это время, с одной стороны, был создан обширный массив научных исследований, обличавших колониальную политику Российской империи на Kavkaze и в той или иной степени героизирующих национально-освободительное движение горцев, а, с другой стороны, возобладала тенденция на переоценку подобной интерпретации Кавказской войны.

Ключевые слова: советская историография, марксистско-ленинская философия, идеология, колониализм, Северный Kavkaz, кавказоведение, Кавказская война, Российская империя, горцы, северокавказские народы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: avbedrik@sfedu.ru (А.В. Бедрик)